

МЕТОД УЧИТЕЛЯ

Старовик Павел Павлович

Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова,
Старший преподаватель кафедры философии и теории культуры,
магистр гуманитарных наук, Караганда, Казахстан

Лекции профессора Абжанова, нам – первому выпуску кафедры философии – посчастливилось слушать на старших курсах университета. Тлеугазы Исакович читал нам историю философии XIX века, классическую немецкую философию и диалектическую логику.

Невероятные пары профессора запоминались не просто учебным материалом, а целыми экскурсами в историю культуры, в возникновение и развитие тех или иных феноменов, событий и процессов.

Объясняя философские системы немецких классиков Тлеугазы Исакович проводил параллели с древними греками, находя «корни» Канта и Гегеля у досократиков и, конечно, у Платона с Аристотелем. Картина становилась более чем понятна и откладывалась в памяти на долгие годы.

Частыми были отсылки к легендам, мифам, народным обрядам и поверьям, по аналогии с сюжетными линиями которых, можно было увидеть всю панораму времени и пространства событий.

Примером такого рассуждения был рассказ о черном лебедь. Профессор Абжанов на этом образе создавал целостную картину философской традиции, размышляя как те или иные словесные конструкции могут влиять на мифологию, религиозные взгляды, философию, ментальность народа.

В казахском языке лебедь – Акку – «белая птица». Нет отдельного названия для черного лебедя. И как этот диссонанс можно уложить в представлении. Поразительно, как эти рассуждения совпадали с мыслями автора известной на весь мир книги [1].

На протяжении большей части своей истории человеческое общество придерживалось мнения, что лебеди существуют исключительно в белом окрасе. В этом контексте «черные лебеди»

воспринимались как нечто мифическое, способствующее разрушению устоявшихся стереотипов и предвзятых представлений.

Лебеди действительно обладают удивительной грацией и красотой, что делает их символами различных положительных качеств. Их движения на воде и белоснежное оперение придают им особую элегантность, которая вдохновляет поэтов, художников и композиторов на протяжении веков.

В культурах разных народов лебеди часто ассоциируются с любовью и преданностью. Например, в мифологии и фольклоре они нередко выступают в роли символов романтических отношений, ведь лебеди создают пары на всю жизнь. Это символизирует идеалы верности и преданности, которые ценятся в любви.

Кроме того, в различных традициях лебедь может олицетворять творчество, вдохновение и духовную чистоту. В некоторых культурах лебеди связаны с водой, что также подчеркивает их связь с жизнью, неисчерпаемой энергией и трансформацией.

Действительно, лебедь – это очень многослойный и символический образ, который встречается в различных культурах и мифологиях. Его ассоциации с чистотой и возрождением делают лебедя символом духовной глубины и утонченности. Птица, которая умеет сочетать в себе элементы воды и воздуха, действительно может служить метафорой перехода между разными мирами – жизнью и смертью, материальным и духовным.

Противостояние белого и черного лебедей также создает глубокие смысловые пласты. Белый лебедь, как правило, ассоциируется с добром, чистотой и светом, в то время как черный лебедь может представлять темные стороны жизни, зло или непредсказуемость. Это контрастное изображение напоминает о том, что жизнь полна противоречий, и лишь приняв их, мы можем осознать всю полноту человеческого опыта.

И вот, например, у тюрков – выходцев из Алтая, лебедь считается прародителем: «ку» буквально лебедь. Получается — люди-лебеди. Не отсюда ли этимология слова «казак» (қаз ақ). Где «лебедь» переключается с «гусем» и впоследствии становится этнонимом. Казахи охраняли лебедей и называли их царскими птицами, гордыми и вольными.

Согласно народной легенде, когда-то давно над землей летали лебеди из далекой страны, за ними наблюдал молодой охотник, поражённый разумом и красотой невиданной ранее птицы. Лебеди опустились на горную реку или высокое озеро для отдыха, сбросили крылья на берег и превратились в трех прекрасных девушек, вошедших в воду. Эти девушки — духи природы. Зачарованный охотник спрятал крылья одной из них, и она не смогла улететь со своими сестрами. Девушка и охотник полюбили друг друга, у них родились дети, которые могли летать как вольные птицы, сохранившие природу и лебедя, и человека.

К сожалению, формат данной статьи, не позволяет отметить весь колоссальный комплекс знаний по классической немецкой философии, погружение нас, студентов, в глубину эпохи, культурных, социальных, экономических и политических условий становления мыслителей данного периода. Но, эти знания и особенности времени отложились на долгие десятилетия.

Нельзя не вспомнить прекрасное знание профессором античной литературы, поэтов и драматургов Эллады и древнего Рима.

Особо хотелось бы отметить прекрасные лекции Тлеугазы Искаковича по истории философии XIX века, в части его размышлений о поэзии античности и корнях философии Ницше.

В середине 90-х годов двадцатого века, работы немецкого философа стали печататься в поразительных объемах, многие студенты, и мы в том числе, стали буквально глотать эти произведения, очаровываясь его слогом, логикой и нигилизмом. Рассуждения профессора Абжанова о немецком философе подействовали на нас отрезвляюще, позволили по-новому взглянуть и на личность, и на смыслы произведений «маленького пастора».

Профессор Абжанов признавал все значение Ницше на дальнейшее развитие философии, на ее креативность. Их сближало даже базовое филологическое образование. Профессор признавал, что Ницше будучи студентом и впоследствии профессором классической филологии, глубоко проник в античную эпоху и хорошо разобрался в этом вопросе. Критически оценивая современную ему европейскую культуру, Ницше видел истину исключительно в жизни древних греков досократической эпохи, которой он уделял особое внимание еще в годы своего преподавания в университете. Он утверждал, что все философские системы вышли из античности, греки сияют ярче, чем когда-либо — особенно греки до Сократа». Для Ницше именно досократовская Греция символизировала начало человека, общества и культуры — именно ее считал важным образцом и научным вдохновением.

Характеризуя жизнь Ницше, профессор Абжанов приводит цитату из Антигоны Софокла: «Безумие для смертного есть худшее из зол» [2]. Уже много позже, когда мы стали осваивать Ницше в качестве преподавателя, слова нашего профессора звучали рефреном в выводах о неизбежном трагизме жизни немецкого мыслителя.

Однако, он отмечал, что стиль Ницше, насыщенный символами и метафорами, заимствован у Гераклита. А, например, эпиграмматический стиль, как в прозе, так и в поэзии перенят у Саллюстия и Горация. Особенно врезалась в память отсылка к известному изречению Ницше, которое наш профессор, прекрасно знавший немецкий язык, привел на немецком и потом рассказал о всех нюансах данного утверждения.

Так, например, в работе 1888 года «Сумерки идолов, или как философствуют молотом» Ницше пишет: «Aus der Kriegsschule des Lebens. – Was **mien** nicht umbringt, macht mich stärker». Дословно это переводится как «Из военной школы жизни. – Что не убивает меня, делает меня сильнее» [3, 815].

И тут же продолжение: «Помогай себе сам: тогда поможет тебе и каждый. Принцип любви к ближнему» [4].

Чтобы приблизиться к пониманию, что хотел сказать Ницше, нужно обратиться к его другой работе, более поздней и последней в творчестве философа: «Ессе Homo. Как становятся сами собою». В ней, в главе «Почему я так мудр» (!!!) фраза звучит несколько иначе: «Was **ihn** nicht umbringt, macht ihn starker» – «Что его не убивает, то делает его сильнее» [5].

Профессор Абжанов увидел разницу в местоимениях и обратил наше внимание на то, что вся смысловая нагрузка меняется в крылатых фразах. И чтобы увидеть весь объем эволюции философских воззрений Ницше, конечно же необходимо обращать внимание на детали текста, нюансы мыслей, построение словесных оборотов.

Ключом же служит один из стихов Горация, поэтически выразившем крылатую латинскую поговорку (*Increscunt animi virescitur volnere virtus* – Растут силы и укрепляется мужество ударом):

Противна чернь мне, тайнствам чуждая!
Уста сомкните! Ныне, служитель муз,
Еще неслыханные песни
Девам и юношам запеваю...

Кто тем, что есть, доволен — тому уже
Не страшно море неугомонное
И бури грозные несущий
Где восход иль закат Арктура,

Не страшен град, дозу побивающий,
И не страшна земля, недовольная
То ливнем злым, то летней сурью,
То холодами зимы суровой [6, 517].

Первоначально не совсем понятно, как коррелируют Ницше и Гораций. Но, вчитываясь в текст оды Горация, постепенно начинаешь видеть сходство со стилистикой философа XIX века.

Тлеутазы Исакович учил нас видеть эти глубины мысли, выявлять близость философии мыслителей разных культур и времен.

Список использованной литературы:

1. Талейб Нассим. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости: пер. с английского. – М., 2007. – 734 с.
2. Софокл. Трагедии / Перевод С.В. Шервинского. – М.: Художественная литература, 1988. – 364 с.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм/ Пер. с немецкого. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 1024 с.
4. Там же. С. 815
5. Там же. С. 942
6. Марон. Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. Наука поэзии: [сб.: пер. с лат.] / Квинт Гораций Флакк. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 908 с.